

Адам Мицкевич

Зима мне снилась

Переводы Павла Алешина

Адам Мицкевич

**Зима мне снилась.
Переводы Павла Алешина**

«Издательские решения»

Мицкевич А.

Зима мне снилась. Переводы Павла Алешина / А. Мицкевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-651791-2

Адам Мицкевич (1798–1855) — один из великих поэтов XIX века, родоначальник польского романтизма. В этой книге представлен перевод ряда стихотворений, относящихся к зрелому и позднему периодам его творчества. Некоторые из них переведены на русский язык впервые.

ISBN 978-5-00-651791-2

© Мицкевич А.
© Издательские решения

Содержание

От переводчика	6
Пролог	8
Стихи разных лет	9
Сон	9
Гробница Потоцкой	10
Дорога над пропастью в Чуфут-Кале	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Зима мне снилась Переводы Павла Алешина

Адам Мицкевич

Иллюстратор Елена Алешина

Переводчик Павел Алешин

© Адам Мицкевич, 2024

© Елена Алешина, иллюстрации, 2024

© Павел Алешин, перевод, 2024

ISBN 978-5-0065-1791-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От переводчика

Адам Мицкевич (1798—1855) – родоначальник польского романтизма¹ – был не только великим поэтом, чье творчество имеет мировое значение, но и крупнейшей фигурой польского национального движения. Уже в своих ранних стихах («Ода к Молодости», 1820) он отстаивал свободолюбивые патриотические стремления молодых поляков, мечтавших вернуть независимость своей родины². За принадлежность к тайным обществам филоматов («любящих науки») и филаретов («любящих добродетель») в 1823 г. Мицкевич был арестован царскими властями, сидел несколько месяцев в тюрьме, а в апреле 1824 г. был выслан из Литвы в Россию. С этого времени началась его жизнь вечного странника, которому больше не суждено было увидеть родные края. Пребывание в России, несмотря на тяжесть положения ссыльного поэта, оказалось плодотворным для Мицкевича: здесь он написал знаменитую книгу «Сонеты», поэмы «Конрад Валленрод» и «Фарис», тесно общался с выдающимися представителями русской литературы³, в том числе подружился с А. С. Пушкиным⁴. В 1829 г. поэт навсегда покинул пределы Российской империи, путешествовал по Европе. Он безуспешно пытался примкнуть к Польскому восстанию 1830—1831 гг. С 1832 г. жил в Париже, куда вновь вернулся и после недолгого пребывания в Лозанне, став в 1840 г. профессором славянской словесности в Коллеж де Франс. В 1832—1834 гг. Мицкевич написал свое крупнейшее произведение – эпическую поэму «Пан Тадеуш». После этого он писал стихи уже не с такой интенсивностью и занимался главным образом политической, публицистической и преподавательской деятельностью. Умер поэт от холеры в Стамбуле, куда он направился организовывать польские вооруженные отряды, которые должны были бы воевать против Российской империи в Крымской войне.

В этой книге, состоящих из двух разделов, представлен перевод ряда стихотворений Адама Мицкевича, относящихся к зрелому и позднему периодам его творчества. Некоторые из них переведены на русский язык впервые. Также в книге есть пролог, интерлюдия и эпилог – это три моих стихотворения, написанные во время работы над переводами.

Ранние и зрелые произведения Мицкевича хорошо известны в России, но о поздних этого нельзя сказать. Поздняя лирика поэта представляет собой в основном незаконченные стихи, отрывки, которые он писал для себя, не предполагая отдавать в печать (большая их часть была опубликована после его смерти), или стихи на случай. Очень интересна незаконченная сказка «Королевна Ляла»⁵, которую, вероятно, поэт писал для детей. Однако особенно выделяется среди его поздних творений небольшой цикл из шести лирических миниатюр, написанных в 1839—1840 гг., когда он был преподавателем латинской литературы в Лозаннском университете.

Чеслав Милош говорил, что «Лозаннские стихи» – «непереводимые шедевры метафизической медитации и что «в польской литературе они являются образцами чистой поэзии,

¹ Первые две изданные его книги (1822, 1823), в которые вошли цикл «Баллады и романсы», II и IV часть лирико-драматической поэмы «Дядя» и поэма «Гражина», совершили настоящую революцию в польской литературе.

² Речь Посполитая прекратила свое существование как суверенное государство после Третьего раздела Польши в 1795 г.

³ Польская исследовательница А. Витковская писала: «Русские совершили открытие, последствия которого трудно переоценить: они открыли Мицкевича для себя, но также и для нас, и для него самого. В Польше Мицкевич еще долго считался бы самозванным претендентом на литературный Парнас» (цит. по: *Мицкевич А. Избранная поэзия / составление, предисловие и комментарии В. Хорева. М., 2000. С. 12).*

⁴ Есть много исследований, посвященных взаимоотношениям Пушкина и Мицкевича, затрагивающих различные аспекты этой проблемы. См. относительно недавнюю монографию, в которой можно найти и подробную библиографию по теме: *Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., 2003.*

⁵ Сказка переведена на русский Д. Д. Минаевым, см.: *Сочинения А. Мицкевича / Русский перевод В. Бенедиктова, Н. Семенова и других писателей под редакцией П. Н. Полевого. СПб., 1882. Т. 1. С. 145—152.*

граничащей с тишиной»⁶. В самом деле, эти миниатюры отличаются непосредственностью и глубиной чувств, в них выражены сокровенные мысли поэта. Интересно было бы сравнить «Лозаннские стихи» Мицкевича с так называемым «Каменноостровским циклом» Пушкина, чего, кажется, прежде никто не делал. Эти поздние шедевры открывали какие-то прежде невиданные грани и возможности в поэзии обоих.

В «Лозаннских стихах» Мицкевич размышляет о своей горькой доле изгнанника, вечного пилигрима. Причем тема «изгнанничества» осмысляется не в романтическом ключе, но, скорее, экзистенциально: в стихах ничего не говорится о каком-либо внутреннем бунте, или же о внешних обстоятельствах и силах, довлеющих над поэтом. В них выражено мужественное приятие собственной судьбы такой, какой она есть – воспринятой, словно это неумолимое природное явление («Над чистой, большой водою...»). При этом Мицкевич с какой-то беспощадной честностью пишет о себе, называя себя – продолжающего жить в эмиграции – трупом («Когда мой труп сидит тут, между вами...»). Еще один мотив «Лозаннских стихов» – воспоминания о былом («Полились мои слезы – неистово, чисто...»). С одной стороны, поэт находит в них источник, пусть печальной, радости. С другой, он не идеализирует прошлое («Ах, и под родительским кровом...»). Стихотворение «Словно шелкопряд нити, прясть любовь благую...» – выстраданное кредо жизни, как будто это завет поэта самому себе и всем, кто готов его услышать. И, наконец, удивительно последнее двустишие – возможно, фрагмент стихотворения, но фрагмент, обладающий абсолютной цельностью и напоминающий японское хайку тем, что в столь немногих словах сказано столь многое.

Эту книгу переводов я посвящаю моему дедушке, Станиславу Ивановичу Белову.

Павел Алешин

⁶ Miłosz C. The History of Polish Literature. University of California Press, 1983. P. 30.

Пролог

Мицкевич

Плакал Адам, но его не простили...

О. А. Седакова

Плакал Адам – другой. Сам себя не простил он.
Да важно ли это – корить самого себя,
если нет надежды вернуться?

– Ибо я не надеюсь вернуться,
ибо я не надеюсь вернуться
в тот край, где я счастлив был.

Плакал Адам – другой. Сам себя не простил он.
Это важно ему – корить самого себя,
чтобы помнить,
чтобы не прекращать ткать любовь,
чтобы не прекращать надеяться,
пусть и нет надежды вернуться.

– Я не надеюсь вернуться,
я не надеюсь вернуться
в тот край, где я счастлив был.
Но, надеюсь, однажды
там окажутся мои дети —
и узнают тот край,
и полюбят тот край,
где я счастлив был.

Стихи разных лет (1825—1845)

Сон

Навек покинуть пусть меня должна ты;
Коль сердце верит в любви обещанья,
Грустью не мучай даже в час утраты,
Со мной прощаясь, молчи о прощанье!

Пред грустным завтра пусть будет струиться
Последний вечер нежностями сладко.
Когда же время придет нам проститься,
Капельку яда дай выпить украдкой.

Коснусь устами твоих уст, и веки
Я не закрою гибельною ночью.
Пускай чудесно усну я навеки,
Тебя целуя, в твои глядя очи.

Дни лететь будут и годы – мгновенно.
Когда же скажут на Суд мне явиться,
Сонного друга вспомнишь непременно
И сойдешь с неба – помочь пробудиться.

Вновь к груди белой прижмешь меня нежно,
Вновь обниму я – как той самой ночью,
В тот миг помыслию: уснул безмятежно,
Тебя целуя, в твои глядя очи.

Одесса, 1825

Гробница Потоцкой (Из «Крымских сонетов»)

Ты средь садов роскошных, роза молодая,
В краю весны увяла! Мгновенья бывшего
Червя воспоминаний в твое сердце злого
Вложили, мотыльками навек улета.

Звезды к польскому небу тянутся, мерца...
Откуда же истоки пути неземного?
Не ты ль его силой взора огневого
Зажгла, север пред смертью родной вспоминая?

Полька! И я закончу дни свои одиноко;
Здесь пускай похоронят друга меня руки!
И путники, которых тут бывает много,

И для меня пробудят польской речи звуки,
А певец, тебя славя тут песнью высокой,
И мои успокоит своим пеньем муки.

1826

Дорога над пропастью в Чуфут-Кале (из «Крымских сонетов»)

Мирза

Молись и брось поводья, отвернись скорее:
Ногам коня свой разум здесь всадник вверяет.
Храбрый конь! Видишь? взором глубь он измеряет,
Приседает у края, ищет, где прочнее.

Замер... Смотреть не надо в бездну, что темнее
Бездонного в Каире колодца зияет.
И не тяни туда руки – не крылья. Смиряет
Мысль пускай любопытство, ведь она быстрее,

Чем якорь, с ладьи малой брошенный в пучину,
Ринется вниз молнией, но дна не коснется,
Только ладью утянет в хаос за собою...

Пилигрим

Мирза, смотрел я в бездну! Лишь когда покину
Сей мир, скажу, что видел, ибо не найдется

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.